

ЕЩЕ никто не написал хотя бы несколько строк о дружбе двух замечательных геологов Каныша Имантаевича Сатпаева и Михаила Петровича Русакова. В личном архиве первого академика Казахстана до сих пор хранятся десятки писем от русского ученого. Точно так же в почте Русакова немало весточек от «дорогого душе Канеке».

...Это было в 1947 году. В составе делегации Верховного Совета СССР Каныш Сатпаев, бывший в то время президентом Академии наук Казахстана, впервые выезжал за рубеж, в Англию. Когда собирался в поездку, у него в гостях побывал Михаил Русаков. Оглядываясь по сторонам, тихо прошептал: «Ты уж там поосторожнее, в капстране, Канеке. Ничего лишнего не говори, как бы чего не вышло. Интересуйся только геологией. И привези нам на память несколько камней из Британского музея. Говорят, это богатейший в мире музей, нам бы такой заиметь».

Несмотря на создавшиеся после войны разногласия между Англией и СССР, английские ученые, политики и лично Уинстон Черчилль тепло встретили советских парламентариев. Гостям была предоставлена возможность побывать там, где они хотели. К. Сатпаев вспомнил совет своего товарища и в один из первых дней заглянул в знаменитый Британский музей, долго изучал там коллекции драгоценных камней разных веков и земель. Наконец, спросил у хранителя музея:

— А что, медных руд Джезказгана у вас нет?

— К сожалению, нет, — ответил сотрудник музея, — Зато мы богаты на руды из северной Родезии. Можем вам подарить. Говорят, эти руды близки по содержанию к джезказганским.

И записал алма-атинский адрес Сатпаева, чтобы выслать ему коллекцию камней из Африки. Со временем она заняла достойное место в геологическом музее Алматы, созданном Сатпаевым с Русаковым.

Совместно... Это слово можно повторять до бесконечности, ставя рядом два имени: Сатпаев и Русаков. Хотя у них была разница в возрасте в семь лет, они не чувствовали ее, так были привязаны друг к другу.

Впервые я обратил внимание на связь этих имен, читая материалы III сессии ученого совета Академии наук СССР, посвященной проблемам Большого Алтая и Большого Джезказгана. Она проходила в Москве в 1934 году. Среди материалов сессии я нашел статью «Месторождения руд железа и марганца в Джезказган-Улутавском и Атасуйском районах», написанную совместно Русаковым и Сатпаевым. Впервые в этой работе подробно сообщалось о месторождении Улькун-Джезды, расположенном в четырех километрах от урочища Найзатас на правом берегу реки Джезды, давался детальный геологический план коренных выходов марганцевых руд. Да, да, именно здесь позже, в 1942 году, будет построен знаменитый Джездинский марганцевый рудник, который покрывает дефицит в ценном металле, вызванный фашистской оккупацией Чиатур и Никополя.

Почему я так подробно

Успенского рудника и близ Джезказгана — дополнительные плюсы в планах черной металлургии для этого региона», — такими пророческими словами завершили статью друзья-геологи Русаков и Сатпаев.

Их дружба началась еще в двадцатые годы в Томском технологическом институте. Сатпаев был еще студентом, а Михаил Петрович уже дипломированным инженером-геологом. Приходил он в тех-

ду правительство выделило большие средства для ускоренного развития цветной металлургии в Джезказгане. В руках у Сатпаева, его товарищей появились отменная по тем временам техника и значительные средства.

Надо сказать, Михаил Петрович всю жизнь будет помогать Сатпаеву как самому близкому человеку, поддерживать его. В 1930 году, когда над прогнозами Сатпаева опять нависает дамоклов меч, когда профессор В. К. Котульский свирепствует, опровергая пятилетний план широкой разведки Джезказгана, составленный Канышем Имантаевичем, М. П. Русаков снова приходит на помощь. Чтобы ре-

хаил Петрович часто говорил мне: «Будь я свободнее, обязательно продолжил бы обследование этого удивительного края».

И тут Червинский поведал мне несколько «черных» страниц из жизни Русакова. Оказывается, по ложным доносам 31 мая 1949 года Михаил Петрович был арестован и сослан в Сибирь. Каныш Имантаевич узнал об аресте Русакова от его матери, она написала Сатпаеву: «Обращаюсь к вам как мать, прожившая трудную девятидесятилетнюю жизнь с мольбой — отнеситесь внимательнее к моей просьбе...».

Будучи в Москве, Каныш Имантаевич заходил на Лубянку, требовал справедли-

Производственники хотят закрыть твой Коунрад, мол запасы руд истощились. Я в это не верю, надо отстоять Коунрад».

И тут Русаков радостно шепнул: «Конечно, отстоим!». В. В. Червинский в 1954 году попросился на работу в Восточно-Коунрадскую геолого-разведочную партию. Она в тот год возобновила разведку недр Коунрада. Эксплуатационники считали, что рудник будет скоро выработан. Геологи по совету К. И. Сатпаева стремились опровергнуть это мнение.

В 1955 году, когда Червинский вел документацию керна на буровых вышках, туда приехал Русаков.

— Да никак это мой юный сибирский коллега Васютка! — обнял бывшего студента-практиканта Михаил Петрович. И тут же, смахнув ладонью набравшую слезу, одобрительно сказал:

— Правильно, Василий, сделал, что приехал в Коунрад. Мы непременно должны доказать эксплуатационникам, что они не правы. Запасы Коунрадского месторождения во много раз больше, чем они предполагают.

Всего с неделю пробыл тогда Русаков в Прибалхашье. Он сделал несколько докладов о будущем, — Коунрада, доказывая, что отказываться от разработки ценного месторождения было бы нелепо. Ведь его основное рудное тело скрывается в глубинах земли. Это были последние встречи Михаила Петровича с рабочими и специалистами рудника, геологами.

Как известно, дальнейшие выводы геологов совпали с прогнозом Русакова. Ныло решено, что понадобится по крайней мере столетие, чтобы выбрать дотла коунрадскую руду.

...Давно уже нет в живых первого исследователя богатств Прибалхашья, но не смолкает гул машин на дне Коунрадского рудника. Горняки уже трудятся на глубине 260—300 метров.

Я не раз посещал Балхашский краеведческий музей и всегда останавливался в уголке М. П. Русакова. Здесь с большой точностью воспроизведен кабинет Михаила Петровича в ленинградской квартире, в которой он жил с 1920 года. Очень много личных вещей Русакова: письменный стол, стул, чернильница, минералы, найденные Михаилом Петровичем в Поибалхашье. Есть личная библиотека ученого-геолога, тут же его книга «Медное месторождение Коунрада», изданная в 1934 году. Все это передали в дар музею сноха видного ученого Нина Павловна Русакова и его сын — геофизик Игорь Михайлович Русаков. Нина Павловна до сих пор живет со своим сыном Михаилом, названным так в честь деда в ленинградской русаковской квартире, часто переписывается с сотрудниками музея. К ней приезжают балхашцы, геологи из Казахстана, заходят те, кто помнит до сих пор Михаила Петровича.

Есть в музее несколько фотографий, на которых М. П. Русаков изображен вместе с Канышем Имантаевичем Сатпаевым. Вот они вместе гуляют в березовой роще в Алма-Ате, вот склонились над металлогенетическими картами Центрального Казахстана, вот вместе рассказывают о несметных богатствах Казахстана в музее Института геологических наук в 1957 году. Сатпаев и Русаков всегда были неразлучны, их взаимная привязанность друг к другу, бескорыстная, стойкая, помога-

ЭТО БЫЛА ВЕЛИКАЯ И ЧИСТАЯ ДРУЖБА

Рассказ о творческом и человеческом содружестве

замечательных геологов—К. Сатпаева и М. Русакова

нологический, чтобы послушать лекции академика М. А. Усова, перед умом которого склонял голову. Кстати, и Каныш Имантаевич всегда с любовью говорил о своем учителе Михаиле Антоновиче, называл его «пионером в деле зарождения и расцвета сибирской школы геологов».

На лекции Усова ходили не только студенты, но и опытные специалисты-геологи. Именно в перерывах между лекциями Усова и сдружились Сатпаев и Русаков. А в народе не зря говорится: какого друга заведешь, такую и жизнь поведешь. Геолог Русаков был человеком поиска, творческих устремлений, у него было чему поучиться. Поэтому, когда пришла пора практики, студент Сатпаев попросился в геологическую партию к Русакову, которая, разведывала в то время месторождения в долинах рек Шерубай-Нура и Сарысу.

Михаил Петрович, тогда уже опытный инженер-геолог, охотно учил Сатпаева вести геологические работы в глухой степи в урочище Бес-шоки. Позже академик Академии наук Казахстана М. П. Русаков в своих воспоминаниях тепло напишет о практиканте-студенте Сатпаеве, их совместной работе по геологической съемке, осмотру целого ряда медных и других месторождений в 1923 году. Именно в тот год в Москве проходило второе всесоюзное совещание по цветным металлам. На нем Русаков делает доклад «К дальнейшему развитию геологических работ в Казахской степи», в котором аргументируется необходимость расширения фронта работ по поиску месторождений в Центральном Казахстане. К. И. Сатпаев поддержал своего русского друга, ибо уже начал колонковое бурение на рудосодержащих площадках Джезказгана и открыл там рудные тела большой мощности. «Интуиция геолога мне подсказывает, что в джезказганской степи огромные пласты руды с большим содержанием меди, марганца, железа!» — взволнованно говорил Сатпаев, вторя Русакову, требуя расширить объем буровых работ в Цент-

шить конфликты между Сатпаевым и Геолкомом, Совнарком посылает в Карскапкой экспертом Всесоюзной комиссии по запросам полезных ископаемых не кого-нибудь, а именно Михаила Петровича Русакова. И он в своей докладной напишет: «К. И. Сатпаев совершенно правильно и впервые в истории этого рудного поля определил его масштаб и масштаб перспективных запасов меди в недрах Джезказгана».

Справедливости ради надо сказать, что и Сатпаев не раз и не два выручал своего старшего друга, пособлял ему па изломах и крутых поворотах жизни. Когда многие слезы в Геолкоме хотели завалить М. П. Русакова с его опытным Коунрадского месторождения, Сатпаев горячо отстаивал необходимость разработки Коунрадского месторождения и строительства завода-гиганта на берегу Балхаша. М. П. Русакову Каныш Имантаевич говорил откровенно: «Я очень ценю и понимаю твои крупнейшие достижения, такие, как Коунрад, Алмалык...».

Подготавливая этот материал, я неожиданно поймал себя на мысли — как мало мы знаем о Михаиле Петровиче Русакове. Если Канышу Имантаевичу посвящены книги А. Брагина, М. Сарсекеева, то о Русакове нет ни одной, даже маленькой брошюры... Но где же мне лучше начать сбор материалов о Русакове? После долгих раздумий пришел к выводу: конечно же, в Коунраде. Может быть, я смогу найти людей, которые близко знали Русакова, они допишут портрет человека, дружившего с Сатпаевым.

Приехав на «русаковские слои», я сразу стал искать свидетелей его пребывания в Коунраде. В конце концов поиски привели меня к начальнику тепловодоснабжения рудника, геологу Василию Владимировичу Червинскому. В геолого-разведочной службе Казахстана он проработал около трех десятилетий. Когда был еще студентом горногеологического техникума, немало поколесил на

вности в отношении Русакова, убеждал, что с ним поступили нечестно. Ведь Русаков — гордость Казахстана, в сорок шестом за заслуги, перед республикой его избрали академиком Академии наук Казахстана. Русаков -- это Коунрад. это — карагандинский свинец и барит, это — Бошекуль, Алмалык. Его именем назван минерал ванадий Каратауского месторождения.

Ничто не действовало на твердолобых сталинских чиновников. Больше того — сам Сатпаев к тому времени уже находился у них на подзрении, как и многие талантливые люди того времени. А вскоре и, против Сатпаева началось «черное дело». Его обвинили в крупных политических ошибках по воспитанию местных кадров, в национализме, допущенном якобы в юношеские годы. Может быть, его ожидала участь Русакова, но, как в свое время, спасая свою честь и свободу, писатель Михаил Александрович Шолохов выслал письмо кормчму И. В. Сталину о том, что его преследуют, с просьбой защитить от необоснованных нападок, так и Каныш Имантаевич дал телеграмму в Кремль вождю всех народов. «В настоящее время, — сообщал он, — группа лиц, спекулируя на неправильном освещении некоторых материалов времен моего юношества, подвергает меня травле».

И, о чудо, как был в свое время спасен от тюрьмы М. А. Шолохов, так не попал в политзэки и Сатпаев. Вождь любил, чтобы его простили о снисхождении талантливые люди, правда, не всех он прощал, а только тех, чье имя было слишком популярно в народе. Тут уже ничего не поделаешь, чтобы не возмущать людей, надо поменьше казнить их любимцев.

После настоятельных просьб Сатпаева уменьшили срок и его другу Русакову, так и не понявшему до конца дней своих, за что же он так пострадал. Как бы там ни было, в 1954 году Михаил Петрович вернулся из мест не столь отдаленных

останавливаюсь на этой статье? Да потому, что она впервые серьезно пролила свет на те огромные запасы железа и марганца, которые хранили недра Сары-Арки. В ней впервые ставится вопрос о необходимости развития многорудного края, строительстве железнодорожной линии, которая должна связать Караганду с Большим Дзезказганом. Густонаселенные долины рек Сарысу и Атасу, благоприятные сельскохозяйственные перспективы, близость карагандинского угля и кокса — все это должно было привлечь внимание к данному району. «Наличие марганца в месторождениях Малый Китай и Устанын близ Каражалских гор, а также в окрестностях

ральном Казахстане.

Поддерживая Сатпаева, Михаил Петрович не раз и не два выезжает в Карсакапай, знакомится с дзезказганским рудным месторождением. Специалисты Главцветмета не верили в перспективы крупного медного месторождения под Карсакапайем и всячески тормозили развитие буровых работ в безлюдных, степях. М. П. Русаков писал: «По-прежнему в главке исходили из цифр запасов, оставленных нам в наследство концессионерами... Уже в 1927 году Каныш Имантаевич сделал установку на опровержение этих представлений: не сотни тысяч, а миллионы тонн меди должны лежать в недрах Дзезказгана. И в 1929 го-

практике в Красноярском крае. Было это в 1952 году, когда начались первые детальные разведки сокровищ Сибири. Именно в тот год его определили в партию шестидесятилетнего М. П. Русакова.

— Меня сразу поразили его трудолюбие, удивительная способность оценивать запасы месторождений, — говорил В. В. Червинский. — И, конечно, его необычайная требовательность к себе и к товарищам,

— Именно в Сибири я впервые услышал от Михаила Петровича о богатствах Прибалхашья, крупнейшем по мощности меднопорфировом месторождении, — продолжал Червинекий. — Ми-

и сразу к Сатпаеву. Постучал в его квартиру в Алма-Ате, спросил:

— Странников на ночлег не берете?

Дочь Сатпаева, Меиз Канышевна, которая открыла дверь, не узнала его поначалу. Она мне рассказывала: «Я помнила его по Карсакапаю, молодым, красивым. А тут передо мной стоял согбенный старец, с огромной длинной седой бородой. Вроде пришел за милостыней... И только когда взглянула в его горящие светом глаза, вспомнила — точно такие были у Михаила Петровича. И я крикнула: «Папа, Русаков вернулся!». Они обнялись. Папа сказал; «Вовремя ты вернулся, Михаил.

ла им в работе.

..Покидая поселок Коунрад, попросил водителя машины остановиться у памятника первооткрывателю Коунрадского месторождения М. П. Русакову. Мы проезжаем по улице, носящей его имя, сворачиваем в небольшой опрятный сквер. А вот и стела с барельефом геолога, рядом — огромный кусок медной руды с прозеленью. Я долго смотрю на памятник и с благодарностью думаю о друзьях-геологах Сатпаеве и Русакове, которые поставили месторождения Центрального Казахстана на службу нашей республики. И думаю, как было бы хорошо, если бы на пьедестале памятника они тоже были вместе, как в жизни.